Сергій Єфремов

PERSONALIA
ПУБЛІЦИСТИКА

1899 – 1917 роки

Том 1

УДК 94(477)(092)
ББК Т3(4 Укр)5-8
Є 924

Проект здійснено за підтримки гранту Канадського інституту українських студій Альбертського університету, 2012-2014 рр. (з Вічного фонду ім. Михайла і Дарії Ковальських)

Затверджено до друку Вченою радою Навчально-наукового інституту історії, етнології і правознавства імені О. М. Лазаревского Чернігівського національного педагогічного університету імені Т. Г. Шевченка (Протокол № 11 від 27 травня 2016 р.)

Рецензенти:
Гирич Ігор Борисович – доктор історичних наук, старший науковий співробітник, завідувач відділу джерелознавства нової історії України Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН
Демченко Тамара Павлівна – кандидат історичних наук, доцент, Заслужений працівник народної освіти України, Чернігівський національний педагогічний університет імені Т. Г. Шевченка

Єфремов Сергій. Personalia: Публіцистика 1899 – 1917 років («Значущі Інші»: статті, посвяти, сильветки, некрологи, рецензії, полеміка): в 2-х томах. – Том 1 / Упорядник – С. Г. Іваницька. – Запоріжжя – Херсон: Олді-плюс, 2016. – 468 с.

ISBN 978-966-930-132-1

У виданні представлені різножанрові публіцистичні тексти, що вийшли з-під пера видатного українського літературознавця й літературного критика Сергія Олександровича Єфремова (1876–1939), видруковані на шпальтах періодичних видань 1899 – 1917 рр. («Рада», «Киевская газета», «Киевская мысль», «Киевская старина», «Літературно-науковий вістник», «Україна», «Основа», «Світло», «Украинская жизнь», «Русское богатство») та меморіальних збірок. В центрі уваги С. Єфремова довгий час перебували особи діячів «першого» та «другого» ряду культурного, громадського й політичного життя імперської доби. На сторінках книги читач зустрінеться з такими видатними постатями української культури, як В. Антонович, М. Вовчок, Б. Грінченко, М. Грушевський, В. Доманицький, М. Драгоманов, П. Житецький, М. Комаров, О. Кониський, М. Костомаров, М. Коцюбинський, П. Куліш та інші, всього 43 персоналії. Тексти, загальна кількість яких становить 167 публікацій (з них 22 у Додатках), друкуються мовою оригіналу. Видання призначене для науковців, викладачів, студентів та усіх, хто цікавиться минулим у його різноманітному персональному вимірі.

ISBN 978-966-930-132-1

© Іваницька Світлана, упорядкування, вступні статті, примітки, коментарі, покажчик, 2016

ЗМІСТ

СЕРГІЙ ЄФРЕМОВ НА ПЕРЕХРЕСТЯХ СТОЛІТЬ
С. Іваницька 13

«ЗНАЧУЩІ ІНШІ» СЕРГІЯ ЄФРЕМОВА В ПУБЛІЦИСТИЦІ ДОРЕВОЛЮЦІЙНОЇ ДОБИ: МЕТОДОЛОГІЧНІ ТА АРХЕОГРАФІЧНІ ПРИНЦИПИ ВИДАННЯ
С. Іваницька..... 39

«ЗНАЧУЩІ ІНШІ» СЕРГІЯ ЄФРЕМОВА: ТЕКСТИ ТА КОМЕНТАРІ 52

МИКОЛА АННЕНСЬКИЙ 53

Пам'яти М. Ф. Анненського 53

ВОЛОДИМИР АНТОНОВИЧ 55

Про обрання В. Антоновича почесним членом рос[ійської] АН 56

Пам'яти ученого-громадянина [На смерть Вол. Антоновича]..... 56

На смерть Володимира Антоновича..... 58

Антонович і Антонович [Преса про Антоновича] 59

Вірш В. Б. Антоновича 61

Живі мертвяки [Антонович і поляки] 62

На роковини смерти Вол. Антоновича 64

Житецький про Антоновича 64

[Рецензія]: В. Антонович. Коротка історія Козаччини 67

[Рецензія]: В. Антонович. Коротка історія Козаччини. Коломия, б/р 68

ГАННА БАРВІНОК 70

Ганна Барвінок (Посмертна згадка) 70

[Рецензія]: Ганна Барвінок. Майорівна. – Київ–Чернівці, 1911 72

Памяти А. М. Кулиш 73

ОЛЕКСАНДР БАРВІНСЬКИЙ 76

[Рецензія]: Ол. Барвінський. Спомини з мого життя. Част. І. Стр. 336. Львів, 1912 76

[Рецензія]: Александр Барвенский в истории культурного движения русского народа на Прикарпаттю. Написав Иван Ем. Левицкий. Львов, 1901 77

ІВАН БОНДАРЕНКО 79

Пам'яти Ів. Бондаренка 79

ЄВГЕН БОРИСОВ 81

Е. І. Борисов (некрольог) 81

ЄВДОКІЯ БОГЕМСЬКА (БОЯРСЬКА) 83

Е. П. Боярська (некрольог) 83

МАРКО ВОВЧОК (МАРІЯ ОЛЕКСАНДРІВНА ВІЛІНСЬКА) 84

Марко Вовчок. Літературна характеристика 84

[Рецензія]: Оповідання Марка Вовчка (посмертні). – Київ–Львів, 1913 99

МИКОЛА ВОРОНИЙ 101

[Рецензія]: М. Вороний. В сяйві мрій. Київ, 1913 101

ОЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН 103

30-літні роковини смерти Герцена 103

Герцен і українство. До 40-х роковин од дня смерти Герцена 103

Герцен і українство. На 100-літні роковини нарождення Герцена 105

[Рецензія]: «Заветы», № 1, 2 й 3 108

ПАВЛО ГРАБОВСЬКИЙ 111

Українській поет Павло Грабовський 111

Переклади українських творів 111

Поэт-гражданин [П. Грабовский] 111

ЄВГЕН ГРЕБІНКА 129

Нова стаття про Є. Гребінку 129

Досвітний вогник. З приводу століття Гребінчиного народження 129

АНАСТАСІЯ ГРІНЧЕНКО 132

Настасія Грінченко. Некролог 132

БОРИС ГРІНЧЕНКО 133

[Рецензія]: Б. Грінченко. Народные спектакли. Чернигів, 1900 134

[Рецензія]: Б. Грінченко. Петро Кузьменко (З XVIII т. збірника харьківського історико-філологичного товариства, виданого в пошану проф. М. Сумцова). Стор. 15, Харьків, 1908 135

Над дорогою могилою [На похорон Б. Грінченка] 136

Грінченків фонд 137

Передмова до збірки: «Над могилою Б. Грінченка: Автобіографія, похорон, спомини, статті» (К., 1910) 139

Людина повинності: зі збірки «Над могилою Б. Грінченка: Автобіографія, похорон, спомини, статті» (К., 1910) 140

Пам'яти Б. Грінченка. На перші роковини його смерти 146

Живий пам'ятник. Пам'яти Б. Грінченка 153

Рыцарь долга. Памяти Б. Д. Гринченка 155

[Рецензія]: Б. Грінченко. Три жіночі постаті: про драми Шіллера 158

[Рецензія]: Б. Грінченко. Соняшний промінь. – Київ, 1913 160

МИКОЛА ГОГОЛЬ 161

Листи Миколи Гоголя 161

Гоголь і великоруські читачі з простого народа 161

Енциклопедизм і шовінізм 162

Український елемент у творах М. Гоголя 163

До ювилею Гоголя 163

Великий юморист і малі недотепи [Гоголь і націоналісти] 163

Великий українець [Гоголь як український діяч] 165

З нашого життя [Гоголевське свято] 167

[Рецензія]: М. Гоголь. Страшна помста. Видання товариства «Полтавська українська книгарня». Полтава, 1912 172

ДМИТРО ГРИГОРОВИЧ 174

Дмитро Васильович Григорович [Некролог] 174

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ 176

Нова праця про національне питання [«На національныя темы» М. Грушевського] 177

На страже национального достоинства. К характеристике публицистической деятельности проф. М. С. Грушевського 179

ГРИГОРІЙ ДЖАНШИЄВ 191

Літературний ювілей 191

ВАСИЛЬ ДОМАНИЦЬКИЙ 192

Василь Доманицький 193

Нова втрата [Про Доманицького] 194

Пам'яті Василя Доманицького 196

Василь Доманицький. Посмертна згадка 202

МИХАЙЛО ДРАГОМАНОВ 204

Рецензія на I том «Розвідок М. Драгоманова» 204

Драгоманів і Тургенев 204

Політична спадщина Драгоманова (Драгоманов, Политические сочинения, т. I. Москва, 1908) 205

Пам'яті М. Драгоманова 207

Апостол правди і науки. На 13-літні роковини смерти Драгоманова 209

Драгоманов і єврейська справа. I-V 218

Д. Короленко про Драгоманова 234

М. П. Драгоманов (Биографическая справка) 236

Драгоманов на еміграції 239

Драгоманов серед співробітників російського журналу 243

[Рецензія]: М. Драгоманов. Чудацькі думки про українську національну справу. – К., 1913 246

Памяти М. П. Драгоманова. По поводу 20-летней годовщины смерти 247
О том, что было и чего не было. По поводу воспоминаний Л. Г. Дейча 259
ЛЕВ ЖЕМЧУЖНИКОВ 274
Спомини Л. М. Жемчужникова 274
ОЛЕКСІЙ ЖЕМЧУЖНИКОВ 275
Ювілей О. М. Жемчужникова 275
ПАВЛО ЖИТЕЦЬКИЙ 276
Пам'яти П. І. Житецького 276
З листування Павла Житецького 278
[Рецензія]: Павел Игнатьевич Житецкий (1836 – 1911). Стор. 33. Київ, 1912 281
[Рецензія]: Павел Игнатьевич Житецкий (1836-1911). Киев, 1912 281
МАРІЯ ЗАНЬКОВЕЦЬКА (АДАСОВСЬКА) 283
Переклади українських творів 283
ГАННА ЗАТИРКЕВИЧ-КАРПІНСЬКА 284
Анна Петровна Затыркевич-Карпинская 284
ПАВЛО ЗАСОДИМСЬКИЙ 288
Павло Засодимський. Некролог 288
МИКОЛА ЗЛАТОВРАТСЬКИЙ 290
Микола Златовратський. Посмертна згадка 291
ІВАН КАРПЕНКО-КАРИЙ (ТОБІЛЕВИЧ) 293
До історії драми Тобилевича «Сто тисяч» 294
Дозвіл українських п'єс для народніх театрів 295
Нова драма 295
Раз добром налите серце .... В роковини смерти Карпенка-Карого 296
Карпенко-Карий. Біографічний нарис 298
ГРИГОРІЙ КВІТКА-ОСНОВ'ЯНЕНКО 304
Нове видання творів Квітки 305

Капітал із продажі творів Квітки-Основ'яненка 305

ПАВЛО КИРЧІВ 306

Павел Кирчев (некролог) 306

ДМИТРО КЛЕМЕНЦ 307

Дмитро Клеменц. Некролог 307

ОЛЬГА КОБИЛЯНСЬКА 309

[Рецензія]: Ольга Кобилянська. За ситуаціями. Повість в 8-х частинах. В-во «Життя й мистецтво». Київ, 1914 309

МИХАЙЛО КОМАРОВ 312

Ювілеї наших письменників 312

[Рецензія]: Збірка бібліографічного знадібку до історії української драми і театра за 1906 – 1912 рік. З додатками та поправками до «Української драматургії» до 1906 року. Стор. 106. Одеса, 1912 313

Пам'яті Михайла Комарова 314

ОЛЕКСАНДР КОНІ 316

[Рецензія]: А. Ф. Кони. На жизненном пути. – Т. 1. – СПб., 1912 316

ОЛЕКСАНДР КОНИСЬКИЙ 319

Нововіднайдені твори Шевченка [Замітка] 320

Спомини О. Я. Кониського 320

А. Я. Кониський (Некролог) 321

З приводу смерти О. Я. Кониського 322

Останні години життя, смерть і похорон Олександра Кониського 323

Александр Яковлевич Конисский (Некролог) 326

Некрольоґи О. Я. Кониського 329

Перші роковини смерти Олександра Кониського 329

Замітки про Кониського 329

Другі роковини смерти Олександра Кониського 330

Трудівник передрозсвітньої доби. На 10-ті роковини смерти Олександра Кониського († 29 ноября, року 1900) 330

ВОЛОДИМИР КОРОЛЕНКО 339

З нашого життя [Про В. Короленка «История моего современника»] 339

[Рецензія]: Н. Шаховская. В. Г. Короленко. Опыт биографической характеристики. Москва, 1912 345

До світла. З приводу ювилею Вол. Короленка 346

ФЕДІР КОРШ 349

Учений-громадянин. До ювилею Ф. Є. Корша 349

Ф. Е. Корш и украинство 351

[Рецензія]: А. Ф. Саликовский. Памяти Ф. Е. Корша. Из личных воспоминаний. Стор. 18. Ростов-на-Дону, 1915 359

МИКОЛА КОСТОМАРОВ 361

До біографії Миколи Костомарова 362

Російські часописі про Костомарова 362

Манівцями. На 25-ті роковини смерти Костомарова 363

ІВАН КОТЛЯРЕВСЬКИЙ 369

Відчит д-ки Єфименко про Котляревського 369

Нова стаття про Котляревського 370

Могила Котляревського 370

В справі пам'ятника Котляревському 371

Котляревський за Аблесимова 371

Чи буде коли поставлено пам'ятник Котляревському? 371

До історії пам'ятника Котляревському 372

Праздник украинской интеллигенции 372

[Рецензія]: Ів. Стешенко. Енеїда Котляревського і Котельницького в порівнянні з иншими текстами 376

[Рецензія]: Іван Котляревський. Енеїда, на українську мову перелицьована. З малюнками художника П. Д. Мартиновича. Київ, 1912 376

Шляхом повинності. До 75-х роковин смерті Котляревського 377

[Рецензія]: В. Степовий. Іван Котляревський. – Катеринослав, 1913 379

АДАМ КОЦКО 381

[Рецензія]: Житє і смерть Адама Коцка. Накладом д-ра Л. Бачинського. Львів, 1910 382

МИХАЙЛО КОЦЮБИНСЬКИЙ 383

Аристократ духа. Ясній пам'яті М. Коцюбинського 384

[Рецензія]: М. Коцюбинський. Тіни забутих предків. Оповідання. Київ–Львів, 1913 388

МАРКО КРОПИВНИЦЬКИЙ 390

Театральні новини 390

Дещо про театральних рецензентів 391

Кропивницький на сцені народного театра 392

Ювілей літературної діяльности Марка Кропивницького 393

Український театр 393

Український театр 394

Нові українські п'єси 395

Кропивницкий и Гринченко 395

Марко Кропивницький. На перші роковини смерти 410

ПАНТЕЛЕЙМОН КУЛІШ 414

Літературна спадщина Куліша 415

Щедрованнє на могилі П. О. Куліша 416

[Рецензія]: П. Кулиш. Хуторни недогаркы. Харкив, 1902 416

До біографії Куліша 420

Новий похорон Куліша [Видання творів Куліша під ред. І. Каманіна] 422

Без синтезу. Пам'яти Куліша 428

ВАСИЛЬ КУРОЧКІН 430

Курочкін і Шевченко 430

ДОДАТКИ 431

ДОДАТОК 1:
Бібліографія вміщених праць С. Єфремова 431

ДОДАТОК 2:
MISCELLANEA 441

ДОДАТОК 3:
Приклади змін у написанні слів у текстах С. Єфремова 449

ВИБРАНА БІБЛІОГРАФІЯ 451

ІМЕННИЙ ПОКАЖЧИК 459

АВТОГРАФИ СЕРГІЯ ЄФРЕМОВА 466

ВІДОМОСТІ ПРО УЧАСНИКІВ ПРОЕКТУ..... 467

має величезну небезпеку, якій не завжде можна запобігти навіть широкою децентралізацією, коли упустити слушний час. «Чи не повинен цей трагічний приклад *(Туреччини)* стати за серйозну пересторогу й іншим державам, що мають теж свій «кістяк у домі», – оту купу недержавних націй, силоміць стиснутих і змотаних на один клубок, що даремно домагаються основних умовин до свого національного самовизначення? Hodie mihi cras tibi [сьогодні мені, завтра тобі]».

Над цим треба справді подумати, щоб оте фатальне «завтра» (cras) не захопило зненацька. Тоді вже, може, пізно буде думати…

Р-л

Рада. – 1913. – № 37. – 14 лютого. – С. 2.

НА СТРАЖЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОСТОИНСТВА.
К характеристике публицистической деятельности проф. М. С. Грушевского

В своевременной литературе публицистика занимает совершенно особое, самостоятельное и притом все расширяющееся место. Было время, когда она являлась лишь подсобной отраслью изящной литературы, каким-то не всегда законным и даже желательным придатком к литературной критике. Смешивать эти области находилась тогда тьма охотников не по собственному желанию, а поневоле, ибо условия были таковы, что только в рамках изящной литературы или по поводу литературных явлений, – следовательно, всегда до известной степени замаскированно, – и было возможно высказываться об общественных вопросах. Воспроизводить программу должного приходилось, отправляясь не от сущего, а от тех отражений, часто неполных и не совсем верных, которые это сущее находило в литературе. Публицистика, наиболее животрепещущая по самому своему существу область литературы, как это ни странно, была в то же время наиболее ограничена в возможности касаться животрепещущих тем. Формально она наиболее отстояла от живого биения жизни, плетясь в хвосте изящной литературы и, в зависимости от ее художественных отражений, прикрываясь формами критического отношения к этим последним. Именно благодаря своей злободневности, с точки зрения «господ, на заставах мысли команду имеющих», публицистика являлась чем-то до такой степени незаконным, что лишь контрабандным способом, под чужим флагом, искусно завивая мысли в формы эзоповского языка, публицисты могли провозить свой воспрещенный к обращению, нелегальный груз. Провозили, и, конечно, не всегда удачно, в целости и неповрежденности, жертвуя наиболее, быть может, ценными и яркими его частями, лишь бы сохранить и провезти хоть что-нибудь. Явление это общее для всех стран, где начала личной и общественной свободы не нашли еще применения на практике и где активное отношение к вопросам общественности составляло предмет своего рода монополии или привилегии специально к этому прикомандированных чиновников. И лишь по мере раскрепощения жизни от всевозможных стеснений и связанного

с ним развития текущей прессы, по мере вторжения ее в заповедные области недавних монополий – эмансипируется публицистика и начинает приобретать самостоятельное значение, хотя долго еще исторически выработанные формы, навыки и приемы публицистической работы сохраняются и при изменившихся условиях – по традиции, как пережиток прошлого. В последнее время почти везде публицистика получила уже некоторую – где большую, где меньшую, – возможность говорить своим собственным языком, не встречая непременной нужды прятаться за чужую спину. И в зависимости от того, как она выполняет свою работу, намечается два типа писателей на общественные темы.

Одни занимаются обсуждением общественных вопросов и явлений, не углубляясь в сущность их, изо дня в день лишь следя за общественной жизнью и на лету отражая ее настроения, исходя от факта и к нему же и возвращаясь, не подводя под свои построения широкого теоретического фундамента. Это публицисты, я сказал бы, фотографы, дающие моментальные снимки действительности, но не претендующие на синтез, который всегда является результатом некоторой способности к отвлечению, к подведению частных, разрозненных фактов под общие начала. Их забота распространяется лишь на нынешний день, на удовлетворение потребности момента, видимое воплощение их работы с тем же днем гибнет, как гибнет и тот газетный лист, в котором большею частью появляются такие однодневные произведения. Это не значит, конечно, что работа таких писателей бесплодная, ибо, по выражению Герцена, она гибнет «в мозгах читателя», оставляя там постоянные и потому очень прочные следы. Это значит только, что выражение «довлеет дневи злоба его» по отношению к такой публицистике нужно понимать буквально, что она ничем иным и не задается, как лишь отражением и истолкованием данного момента злободневных событий, настроений и переживаний, не приводя их к некоему «одному знаменателю».

В ином положении находится публицистика другого рода, представляющая не одни отклики на современную жизнь, не одни попытки ее фотографирования и мимолётного объяснения. Здесь уже имеют место и построения, в связи с теми или иными событиями, общего фундамента для них, создание целых общественных программ, установление широких принципов, охватывающих по возможности все явления данного порядка. Публицистика этого рода также отправляется от фактов, исходит часто из тех же злободневных событий, но отношение к ним у неё иное, цели ее существенно разнятся от того моментального освещения, которое преследуется публицистикой первого типа. На первом плане внимания здесь не эти часто разрозненные и изолированные факты, а общее их истолкование, приведение их в известную систему, подведение под них теоретических начал общественной науки, вскрытие основных их причин и более или менее глубокое освещение возможных последствий. Такой публицист, которого, в отличие от предыдущего типа, можно назвать публицистом-художником, перерабатывающим и освещающим злободневные вопросы жизни с точки зрения общих начал, всегда имеет в виду нечто большее, чем прямое и непосредственное истолкование данного факта или целой группы фактов, и всегда приходит к выводам и обобщениям, в которых данные факты являются лишь звеном в общей

цепи построения, лишь иллюстрацией к некоторым высшим началам общественной жизни. Для него важен не столько факт или события, как таковые, сколько философия их, выводы, подведение под данные явления жизни широкой и прочной базы общественной науки. Эта наклонность к обобщению и использованию научных методов позволяет такому писателю на общественные темы часто предугадывать тенденции будущего на основании всестороннего анализа настоящего, формулировать ясно и категорически то, что носится еще только в смутных очертаниях не выкристаллизовавшихся настроений, угадывать скрытые возможности за видимыми формами событий. Все это дает возможность глубже проникнуть в смысл совершающегося и ярче проявить свое участие в том процессе общественного строительства, которое является главной целью публицистики. Темперамент публициста здесь служит лишь орудием в руках социолога, на фактах текущей действительности поверяющего и испытывающего прочность тех или иных построений общественной науки.

И если публицисты первого типа заготовляют материал для общественного строительства, производят кирпичи для стройки, то публицист-социолог возводит уже самое здание, руководит общественным мнением, направляя его в русло тех или иных программных построений. Он является действительным истолкователем жизни, истинным «властителем дум» современности, и его творения, несмотря на их злободневность, переживают эту злобу дня, часто переживают и самого автора, представляя для данного времени документы в подлинном смысле исторические, т. е. тесно связанные с внутренней жизнью общества в данный момент. Как чутко отражающий общественную жизнь в ее не случайных и частных, а общих и органических проявлениях, такой публицист служит лучшим выразителем настроений и чаяний общества, показателем того, куда оно стремится в лице своих виднейших представителей и руководителей.

К публицистам этого рода в украинской литературе относится проф. М. С. Грушевский.

II.

Весьма характерными и в некотором смысле показательными представляются уже обстоятельства самого появления на публицистической арене этого виднейшего представителя современной украинской политической мысли.

По времени своего выступления в качестве литературного деятеля М. С. Грушевский принадлежит к поколению 80-х годов прошлого столетия. Первые его литературные произведения, в виде беллетристических опытов, появляются в половине 80-х годов, но долгое время участие М. С. Грушевского в собственно литературной жизни было довольно спорадическим и случайным, так как внимание его было отвлечено в другую сторону. Вслед за первыми же литературными опытами он отходит в область науки, которой главным образом и отдает свои силы, выдающуюся трудоспособность и энергию. 90-е годы и первая половина 900-х годов проходят для него в организации научной работы при известном «Науковом Товаристве имени Шевченка» во Львове и в занятиях около создания такого капитального произведения, как многотомная «Історія

України-Руси», первый том которой появляется в 1898 г. Поглощенный почти исключительно научной деятельностью, историк мало уделяет внимания современности. По крайней мере, из этого времени мы можем указать всего лишь несколько статей М. С. Грушевского, в которых трактуются вопросы текущей общественной жизни (из них наиболее интересны «Листи з-над Полтви»[1] под псевдонимом Observator в «Л.-Н. Вістнике» 1899 г.). Время вообще стояло тогда сумеречное, далекое от каких бы то ни было широких надежд, чуждое размаха общественных сил, не вызывавшее к борьбе за непосредственные достижения сегодняшнего дня. И казалось, что в М. С. Грушевском окончательно возьмет перевес кабинетный ученый, который одарит родную науку капитальными работами, но в остальных областях общественной деятельности будет лишь редким случайным гостем, который уже в силу самой спорадичности своего появления не в состоянии оставить прочные следы. На основании предыдущего можно было думать, что круг деятельности его как ученого уже окончательно определился; что события, если они настанут, пойдут без его ближайшего участия, может быть, даже мимо него; что работниками и борцами явятся другие лица, уже определившиеся как исключительно общественные деятели. Но вот эти события наступили, – пришел 1905 г. ...

«Поколебалась земля и рушились ее основы», – так начинается статья М. С. Грушевского «Українство і питання дня в Росії», которой, собственно, можно датировать выступление автора на арену журналистики. «Громкие события, вереницей прошедшие пред нашими глазами, постучались в крышку гроба, которой придавило ее *(Украину)* чужое насилие, и пробудили ее из летаргического сна, в который ввергла ее беспомощность и апатия ее собственных сынов. Она не умерла, не умерла... Но не умереть еще не значит жить, – жить той полной жизнью, к которой зовут события всех, в ком не иссякла еще жизненная энергия». События постучались и в кабинет ученого, в котором, конечно, жива была эта жадность к жизни и ее запросам, и, повинуясь могущественному кличу развертывающихся событий, М. С. Грушевский бросается в вихрь жизни, следит за капризной сменой происходившего, за приливом и отливом освободительного движения, откликаясь на все его вопросы и перспективы живым, горячим, убежденным словом. Неожиданно для многих родился сильный и оригинальный публицист с настоящим темпераментом борца, с умением трезво оценить события, указать в них не только то, что бросалось непосредственно в глаза, но и то, что являлось скрытым от наблюдателей, как нарождающаяся возможность, способный идти «против течения», «равною мерою» отмерять и врагам, и попутчикам по открывающейся дороге. Мне кажется, что в приведенных выше словах необыкновенно метко схвачена и ярко передана сущность той повелительной причины, которая, – может быть, неожиданно и для самого автора, – отвлекла его от привычной деятельности и направила на новую дорогу. Как бы то ни было, но только с этого времени М. С. Грушевский уже не гость, – разумеется, всегда желанный, – в журналистике, а один из виднейших ее участников. Его статьи на темы дня регулярно появляются почти в каждой новой книжке руководимого им журнала, а также

[1] В оригіналі тексту *С. Єфремова* – «Листи з-над Полтави».

и в других изданиях, как украинских, так и отводящих известное место украинскому вопросу; они привлекают общее внимание, как авторитетный голос признанного вождя украинского движения. Характерно, что в этом смысле первыми, быть может, оценили значение его публицистической деятельности враги украинского движения. Именно они сделали М. С. Грушевского мишенью самых ожесточенных нападок, на его личности сосредоточив всю свою безграничную ненависть и слепую злобу против возродившейся нации, осыпая его градом личных выходок, мелочных инсинуаций и злобствующего шипения. И это понятно: в борьбе крупные фигуры всегда отвлекают на себя преимущественное количество ударов, предназначенных из вражеского стана. Но они же, эти крупные фигуры, являются и центром, вокруг которого группируются единомышленники, – и такой центральный фигурой современного украинства пришлось стать М. С. Грушевскому благодаря главным образом его публицистической деятельности.

В журналистику он, человек старшего из действующих тогда на украинской арене поколений, пришел совершенно готовым, во всеоружии огромного научного образования, выработанного всесторонне мировоззрения, большого практического опыта и знаний в сфере не только украинской и российской, но и европейской жизни, с запасом наблюдений над конституционной практикой, с теоретической подготовкой к разрешению сложнейших проблем современности, с испытанными в научной сфере методами оценки событий. Вместе с тем он принес с собой неиссякаемый источник кипучей энергии, организаторских способностей и той рабочей дисциплины, которая дается лишь годами упорного, усидчивого труда. И, – что всего важнее для журналиста, – он в высокой степени проявил эту отзывчивость к кличам жизни, эту неутомимую способность искать с ищущими, идти веред с идущими, уча, учиться самому и увлекать за собою других, действуя то строго логическими, чисто научными аргументами, то резкой, не знающей компромиссов формулировкой, то остроумным словцом, то яркой картинкою из прошлого или удачно выбранной иллюстрацией из современности, то едкой критикой или лирическими отступлениями. Самый стиль его, медленный и несколько тяжеловатый в научных работах, резко меняется в публицистике, приобретая гибкость, блеск и разнообразие. Прибавьте к этому украинскую ориентацию последнего, так сказать, ее слова, научно разработанную и исторически обоснованную, – и вы будете иметь полное объяснение того влияния, которым пользуется М. С. Грушевский среди украинского общества и той ненависти, которую возбуждает самое имя его во вражеском стане. Человек хронологически иного поколения, он сделался вождем нашего времени, представителем всего живого, что бьет ключом жизни в современном украинстве. Десятилетие 1905-1914 гг. заполнено кипучей публицистической деятельностью М. С. Грушевского, несомненно, в ущерб его научной деятельности. Любопытное совпадение: историк, который до этого времени почти каждый год выступает с новым томом главного своего труда, упомянутой «Історії України-Руси», теперь значительно замедляет темп своей научной продуктивности, дав всего два тома за все десятилетие. Может быть, в указанном замедлении играли роль и какие-либо другие причины, но для меня ясно, что на долю

увлечения текущими задачами и вопросами момента придется отвести далеко не последнее место. И об этом едва ли приходится сожалеть. Как ни громадна заслуга ученого-историка, впервые истинным светом осветившего наше прошлое, но не меньшей является и заслуга гражданина, озаряющего настоящее на путях к будущему. Бывают даже моменты, когда, быть может, более почётно делать историю, а не писать ее. Что же удивительного, если в таком по преимуществу живом и отзывчивом человеке, как М. С. Грушевский, первая задача на время отодвинула и заслонила вторую?..

III.

Публицистические работы М. С. Грушевского, печатавшиеся в различных периодических изданиях, собраны в трех книгах: «З біжучої хвилі» (1907), «Наша політика» (1911) и «Освобождение России и украинский вопрос» (1907). Но это лишь часть, и притом сравнительно скромная, его публицистического достояния. Большая часть его остаётся рассеянным в старых книжках журналов, главным образом «Л.-Н. Вістника», представляя поэтому материал сравнительно мало удобный для широкого пользования. Об этом нельзя не пожалеть, так как публика вообще неохотно обращается к старым журналам, а между тем почти каждая статья М. С. Грушевского заслуживает внимания или по затронутым в ней вопросам, или по оригинальному их освещению, или по тем обобщениям, на которые наводят автора события текущей жизни, или, наконец, по тем мыслям и замечаниям, которые высказываются лишь попутно, но, тем не менее, приобретают огромный интерес в свете общего мировоззрения автора и его отношения к событиям текущей действительности. Часто даже именно эти вскользь, в виде намеков, обронённые замечания, не развитые во всех своих частностях, говорят гораздо больше, чем специальная статья на определенную тему, представляя как бы вехи, по которым постоянно движется мысль публициста, отвлекаемая к непосредственным задачам и злобам дня. Публицисту часто приходится оставлять свои особенно любимые мысли, тщательно выношенные идеи недостаточно развитыми и освещёнными, раз текущий материал не дает для этого непосредственных поводов. Отвлекаемый систематически злободневными заботами в сторону, насильственно втиснутый в рамки вопросов дня, он должен иногда ограничиваться лишь мимоходом брошенным замечанием огромной теоретической важности, надеясь при первой же возможности к нему возвратиться и очень часто не находя этой возможности в условиях текущей работы и нервного реагирования на привлекающие общее внимание явления, которые уводят его далеко от лично интересующей темы. Но если собрать эти случайные крошки, падающие со стола публицистической работы, то получится новое освещение ее, обнаруживаются пути, которыми подходит публицист к разрешению поставленных себе задач. Так лабораторные опыты, невидимые для публики, оказывают, тем не менее, огромное влияние как на ход работы, так и на достигнутые результаты.

Выше я уже упомянул, при какой обстановке возникает собственно публицистическая деятельность М. С. Грушевского – не в виде случайных экскурсов в область текущей жизни, но в виде уже постоянной журнальной работы. «Поколебалась земля и рушились основы ее», – такова

была, как мы знаем, эта обстановка, и естественно, что она наложила свой отпечаток не только на первые работы М. С. Грушевского, но и вообще на всю его публицистическую манеру. Благодаря именно этой, боевой и нервной, обстановке, нужно думать, усвоен автором боевой тон, ищущая напряженность, некоторая отрывочность его статей. Та же обстановка надолго определила и содержание их. Украинство, как широкое общественное течение, выходит на сцену именно с 1905 г., до тех пор скрытое в подполье или принужденное лишь сдавленным полушепотом говорить о своих задачах. Пред публицистом стояла настоятельная задача – вскрыть внутреннее содержание движения, его основные черты и задачи, его связи с сопутствующими и конкурирующими течениями, а равно и отношения к соседним вопросам, смежным проблемам, проверяя эти внутренние и внешние отношения на фактах текущей жизни. Особенное внимание публициста должны были привлекать те внутренние брожения, которые часто не находят и своего выражения в воле, но тем не менее мужественным образом сказываются на настроениях и тенденциях, как и своего рода потенциальная энергия, перемещающая иногда и довольно неожиданным образом центр тяжести событий. Этими вопросами и занят М. С. Грушевский в своих публицистических работах, к обзору которых мы и переходим.

Как историк, с точки зрения традиций прошлого подходящий к современности, он, прежде всего, устанавливает исторические основания и перспективы украинского движения. «Время романтической идеализации старины, – писал в одной из первых своих работ, – прошло безвозвратно, и ныне идеалы свои мы ищем не в прошлом, а в будущем». Но при этом необходимо все-таки установить те «исторические основы», на которых зиждется развитие украинской идеи, отметить те этапы, которыми проходила политическая мысль Украины. Найдя эти основы в идее федерализма, автор соединяет прошлое с настоящим и будущим «линиею, которая, начинаясь со столетия назад, приводит нас к тому моменту, в котором находимся. Отбрасывая, – продолжает М. С. Грушевский, – формы отжившие или ошибочные, получим наши «исторические основы», отмеченные стремлениями лучших людей Украины. По проложенному ими пути выступает теперь, когда падают вековые запоры, Украина в свой поход к лучшей жизни. И пусть сознание многовековой работы мысли и энергии ее поколений над разрешением политических, социально-экономических и культурных проблем окрыляет ее энергию в стремлениях к своему обновлению, к прогрессу, свободе и справедливости на почве всестороннего развития народных сил» («Дорогою віків», сборник «З біжучої хвилі», стр. 45). Такое напутствие на пороге ожидавшегося обновления украинской жизни, с одной стороны, сообщает публицистическим работам М. С. Грушевского строгое принципиальное основание, а с другой – намечает основную линию его деятельности как публициста. «Та строгая принципиальная позиция, – писал он девять лет спустя, выступая против появившихся было надежд на постороннее содействие, – на которую поставили украинство идеологи украинского движения в России, придает ему особое значение для различных национальных и политических течений, стоящих даже вне украинской сферы. Украинству принадлежит великое будущее в центре этих течений и комбинаций» («Нова хви-

ля», «Л.-Н. Вістник», 1914, I, 29) именно благодаря его принципиальной, не зависящей от минутных перемен и увлечений постановке. Но чтобы приобресть такое значение, сделаться силой будущего, оно должно в настоящем употребить все усилия, чтобы выйти из того межеумочного положения, в которое поставили его неблагоприятные условия исторического развития; оно должно покончить с колебаниями, ясно наметить пути и возможности и уже не отступать от них. «Украинство в России должно выйти из рамок этнографической народности, стать политическим и экономическим фактором, приняться за организацию украинской общественности как нации уже теперь, если не желает остаться за флагом и опоздать снова на многие поколения» («Українство і питання дня в Росії», – «З біжучої хвилі», 10). Особенно горячо возражает М. С. Грушевский против «антикварных» замашек некоторой, отсталой, части украинского общества, настаивая всегда на придании украинскому движению современного политического характера, на принятии им всех выводов политической теории и практики. «Украинцы должны стать нацией, если не желают остаться париями среди народностей» (там же, 15). С энергией и настойчивостью писатель возвращается к этой мысли, подчеркивая всегда связь между активностью общества и результатами его стремлений. «Нужно желать быть нацией, необходимо работе в этом направлении посвятить все силы, двинуть все общественные средства, чтобы переработать потенциальную энергию этнографического существования в динамику национального развития. Этнографическая обособленность, – поясняет свою мысль М. С. Грушевский, – это статистика, национальная жизнь – продукт воли, динамической энергии народа. Необходимо для этого желать, необходимо работать, необходимо дерзать» («Ще про культуру і критику», – «Л.-Н. Вістник», 1908, X, 122). Этому искусству «желать и дерзать», чтобы «пересоздать этнографическое прозябание в национальную жизнь», чтобы «высечь из гнилостной массы своего настоящего прозябания огонь национальной энергии», собственно посвящена вся деятельность М. С. Грушевского как публициста, стоящего на страже украинской общественности, и, несомненно, она много способствовала национальному самоопределению и уяснению ближайших задач и путей развития среди украинского общества.

Переходя к конкретным задачам украинского движения, М. С. Грушевский всегда намечает их ясно, резкими контурами, на основании того широкого исторического мировоззрения, которое дала ему его предшествовавшая научная деятельность. «Нужно, – писал он по поводу нерешительной тактики некоторых украинских кругов, – собрать, прежде всего, рассыпанную храмину украинской общественности, научить ее обязанностям пред своим народом, дисциплинировать в национальном отношении, моральным влиянием принудить ее к тому, чтобы она приложила свою энергию к культурному и политическому поднятию своего народа». «Ибо, – прибавляет он, – мы должны помнить, что представляем великий народ, и обязаны представлять его с достоинством» («Не пора», – «Л.-Н. Вістник», 1908, VII, 139-140). К этой теме достойного представительства или, по выражению автора, «азбуки национальности» он также часто возвращается, формулируя свои мысли все более и более конкретно. «Необходимо, – еще раз пишет он, – заложить первоначальные основы

национальной жизни – добиться того, чтобы каждый член украинского народа, на верхах и на низах, ценил национальную, народную украинскую форму и дорожил ею. Чтобы крестьянин, как н интеллигент, в равной степени стремился к тому, чтобы каждый элемент украинской жизни, – будет ли это наука, просвещение или официальный юридический акт, – предлагались ему в народной, родной, доступной форме. Чтобы исчезла эта дикая классификация языка мужицкого – украинского – и господских – русского и польского; чтобы человек из народа понял и почувствовал, что он отнюдь не унижает себя в глазах просвещенных людей, придерживаясь и требуя для своего употребления понятного, родного ему языка, а поднимает свое человеческое и классовое достоинство, добиваясь для него культурной роли и значения. Чтобы интеллигент понял значение национального элемента, как базы культурной и общественной эволюции, понял и то, что если наш народ из своей этнографической основы не создаст основы национальной и не станет жить как нация, то он должен умереть, разложиться, истлеть в качестве народа, и нам в таком случае вместо процесса развития и жизни предстоит на долгие века процесс агонии, разложения и разрушения» («При кінці року», – «Л.-Н. Вістник», 1907, I, 151-152). Относительно трудности путей и способов такого национального перевоплощения М. С. Грушевский не обманывает себя, – он знает, что оно не дается легко, не производится сразу, одним смелым прыжком. Это процесс длительный, затяжный, тем более что украинское общество может и должно рассчитывать лишь на свои собственные силы и инициативу, – «так, как сделала это наша закордонная Украина, десятилетиями тяжелого неустанного труда создав широкую систему частных учреждений, научных просветительных, экономических, политических; так, как делают поляки в России, не ожидая конституционных гарантий для такого труда, не теряя энергии вследствие запрещений и репрессий, в уверенности, что частица начатого все-таки останется и что вложенная в труд энергия принесет плоды, вопреки всем препятствиям и запрещениям» («Антракт», – «Л.-Н. Вістник», 1903, I, 120). И как только наступила возможность точной формулировки требований украинства, то это было сделано М. С. Грушевским с исчерпывающей полнотой и детальным обоснованием выставленных положений «на началах равноправия народностей и областей, на началах национально-территориальной автономии», как «интегральной части в проблеме обращения России в правомерное и благоустроенное государство» («Наши требования» в сборнике «Освобождение России», см. также «На руїнах» в сборн[ике] «З біжучої хвилі»). При этом автор, предвидя возможные возражения, больше всего настаивает на одновременном решении национального вопроса для всех народностей и на полном удовлетворении их национальных нужд, без разделения национальностей на достойные и недостойные, привилегированные и обделённые, зрелые и незрелые. В ряде статей («Национальный вопрос и автономия», «О зрелости и незрелости», «Конституційне питання і українство в Росії» и др.) он со всей решительностью восстаёт против каких-либо «отметок культурности, сознательности, исторической давности и дипломатической обоснованности». Воздавая всем национальностям «равною мерою», М. С. Грушевский приветствовал отмену ограничений для поляков и евреев, как начало, как первый шаг к раскрепощению на-

родов России, но «всех, без выбора и подразделений» («Равною мерою», «Конец гетто» и др.). Роль украинцев в этом раскрепощении он считает особенно важной и ответственной в силу указанных исторических основ украинского национального движения и отсутствия в их среде агрессивных элементов. Идея национального возрождения на Украине неразрывно связана для М. С. Грушевского с освобождением широких народных масс от всевозможных форм угнетения, как политического, так и социального. «Идея возрождения Украины на широких демократических основаниях свободы, – писал он в 1905 г., – имеет слишком давнюю и слишком серьезную историю, чтобы ей нужно еще было держать экзамен пред русской или польской экзаменационной комиссией для получения диплома прогрессивности или либерализма. Идея защиты рабочих масс была ее неотъемлемой частью; протест против гнета и автократизма, отсутствие всякой национальной исключительности, идея равноправного братства народов – логическими постулатами ее развития» («На руїнах», – «З біжучої хвилі», 41). В отношениях внешних, как и относительно внутренних, украинских дел писатель стоит, как видим, на страже национального достоинства, олицетворяющего требования широкого гуманизма и свободы.

IV.

Есть еще один вопрос в сфере украинской жизни, к которому охотно возвращается М. С. Грушевский все с той же точки зрения целесообразного использования всех украинских сил в интересах демократизма и свободы или, – что то же, – в интересах национального достоинства в лучшем значении этого слова. Вопрос этот состоит в координировании действий среди самих украинцев, в развитии в украинской среде центростремительных сил и в парализовании центробежных – того «атомизма», которому автор посвящает много красноречивых страниц в своих публицистических работах. Спасение от бесполезной траты сил и рассеяния их он видит в идее «всеукраинства». «Всеукраинство или украинский универсализм – тесное единение всех частей украинской земли и подчинение всех отличий, какие их разделяют, общей и единой цели – национальному развитию, является, в конце концов, не только желательным само по себе, – идеально, так сказать, но и для нужд местной жизни ее частей, для их ближайших целей и задач» («З новорічних думок», – «Л.-Н. Вістник», 1910, I, 56).

Именно в форме такого всеукраинского единения для достижения общих задач и одновременного удовлетворения местных потребностей рисуется М. С. Грушевскому выход из тех недоразумений, вследствие которых приходится растрачивать попусту общественные силы на преодоление взаимных трений и предубеждений. В особенности озабочивают его в этом смысле отношения между Украиной и Галичиной, так как некоторое намечающееся разъединение их покоится на политических условиях, культурных традициях и привычках местных деятелей названных частей украинской земли. В интересах украинского национального развития в настоящей стадии, по мнению М. С. Грушевского, лежит «именно концентрация всех национальных сил, а для того – всех частей украинской территории. Необходимо развивать в них чувство единства, солидарности, близости, а не муссировать отличия, которые их разделяют и при таком муссировании могут привести к полному отмежеванию,

культурному и национальному, отдельных частей украинской земли, как в данном случае – в отношениях Галичины к российской Украине и обратно» («Галичина і Україна», – «З біжучої хвилі», 122). Принцип подчинения частностей общему, несомненно, правильный, но необходимо отметить, что боязнь пред «атомизмом» и опасения разъединяющих моментов заводят нашего автора иногда слишком далеко, заставляя его видеть проявления кружковщины и деления там, где, в сущности, имеется налицо лишь необходимое и здоровое критическое отношение к отрицательным явлениям. И на практике сам автор, разумеется, не разделяет своих опасений, выступая с резкой критикой теневых сторон украинской жизни. В Галичине – недостаток принципиальности, оппортунизм, наклонность к «малым делам», увлечение задачами ближайшего момента в ущерб основным требованиям (все статьи в книге «Наша политика»); на Украине – вялость в работе и отсутствие энергии, дезертирство, стремление к не оправдываемым действительностью надеждам и т. п. всегда вызывали самый резкий отпор со стороны М. С. Грушевского. И, конечно, не разъединяющим, а скорее сближающим и плодотворным было такое отношение и иным быть не могло: трезвая критика, сколько бы ни вызывала против себя неудовольствий, всегда ведь является началом оздоровляющим. Одной из наиболее ценных сторон в публицистической деятельности самого М. С. Грушевского является именно его неизменно критическое отношение к действительности при неизменно же глубокой вере в правоту украинского дела и уверенности в достижении им своих коренных задач. «Мы – рядовые работники Украины, – писал он в ответ на нападки принципиальных противников украинского возрождения, – постановившие по мере сил своих восполнить ущерб, нанесенный летаргией прежних поколений, завороженных страшными глазами бюрократического удава. Мы сами, и весьма глубоко, сознаем нашу малочисленность и слабость наших сил пред огромностью предстоящей нам задачи, пред колоссальностью нашей национальной массы. Но, – прибавляет сейчас же М. С. Грушевский, – мы знаем, что за нами стоят стихийные несокрушимые, непобедимые потребности нашего народа – задержанные, но не уничтоженные. За нами сила вековых традиций, сила инстинкта национального самосохранения. Знаем также, что все под Богом ходим и под начальством живем, но дело, которому служим, лежит за пределами досягаемости» («Грім, та не з тучі», – «Л.-Н. Вістник», 1907, VIII – IX, 390-391). И бодрый возглас «Ukraina fara da se – Украина своего достигнет», которым оканчивается цитированная сейчас статья и который является лейтмотивом всех статей М. С. Грушевского на общественные темы, – это не только плод веры. Это результат знания действительности, правильной оценки ее и основанных на последней выводов.

В журнальной заметке, писанной притом наспех, я не могу, разумеется, исчерпать всего богатства тем, затронутых М. С. Грушевским в его публицистических произведениях и разработанных часто с не оставляющей места для сомнений ясностью. Вопросы конституционной теории и практики и аграрный вопрос, начала автономно-федеративного строя и отношения польско-украинские и российско-украинские, вопросы общерусской жизни и специальные украинские нужды, резкий отпор противникам и установление связей с естественными союзниками

украинства, дела культуры и политики, блестящий анализ исторических основ нашего существования и беспощадное уничтожение некоторых легенд современности и т. д., и т. д., – таковы темы работ М. С. Грушевского, по необходимости оставшихся на этот раз вне нашего рассмотрения. Но общей чертой, проникающей все, чего касалось перо М. С. Грушевского, является, по моему мнению, эта глубокая убежденность в правоте украинского дела, в достижимости и осуществимости основных задач украинского движения. Ко всем вопросам он подходит, как украинец, с точки зрения жизненных интересов украинских народных масс, которые (интересы) для него идентичны с требованиями человечности вообще, с достижениями всей полноты человеческой культуры. Цитированное уже однажды выражение М. С. Грушевского: «мы должны помнить, что представляем великий народ и обязаны представлять его с достоинством», – это выражение не случайная фраза в его устах. Для него это кровный вывод из всех научных изысканий о прошлом украинского народа и наблюдений над его настоящим. И в соответствии с этим выводом М. С. Грушевский действительно стоит на страже национального достоинства родного народа.

Но при этом он не забывает и человека вообще, требований человеческой личности, законов человеческого общества. Человечность для М. С. Грушевского, конечно, составляет цель, но практически воплотившуюся в охранении достоинства той части человечества, к которой он принадлежит по рождению, связям и деятельности. «Я, – писал как-то М. С. Грушевский, – верю в огромную силу самоопределения коллективного человека, человеческого общества, и в широкую сферу влияния этого самоопределения» («Наша политика», 63). Этот «коллективный человек» в образе родного народа, как участника общечеловеческой жизни и культуры, несомненно, всегда стоит пред М. С. Грушевским, вдохновляя его на защиту общечеловеческого в национальной сфере и национального в общечеловеческой. Отсюда тот глубокий гуманизм и трезвый реализм, одинаковое внимание как к широким задачам общечеловеческой культуры, так и к конкретным нуждам данной национальной обстановки, гармоническое соединение которых так подкупает в публицистических работах М. С. Грушевского. Отсюда и влияние его на современников, и то руководящее значение, которое надолго останется за ним в украинской публицистике. И в соответствии с этим выводом М. С. Грушевский действительно стоит на страже национального достоинства родного народа.

С. Ефремов

Украинская жизнь. – 1916. – Кн. 12. – С. 46-62.